

ВИТАЛИЙ БУРИК

Фигурка моржовой КОСТИ

РАССКАЗЫ, КОРОТКИЕ
ИСТОРИИ, ЭССЕ

Виталий Бурик
Фигурка моржовой
кости. Рассказы,
короткие истории, эссе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24503203

ISBN 9785448534140

Аннотация

На протяжении многих лет пробую подходы к прозе. В разных направлениях, с разной степенью успешности и завершённости. С двухтысячных годов работаю в региональной журналистике. В 2014 закончил обучение в Литературном институте им. А. М. Горького, где в ходе учёбы также неоднократно приходилось прибегать к прозаическому словотворчеству. Этот сборник – первая попытка собрать вместе мои немногие прозаические опыты.

Содержание

РАССКАЗЫ	5
Фигурка моржовой кости	5
Третья пуговка сверху	12
Сестра (отрывок из повести «Про Ольгу»)	19
Карта Москвы (отрывок из повести «Поэма будней»)	28
Легенды и мифы Патриарших прудов (отрывок из повести «Поэма будней»)	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Фигурка моржовой кости

Рассказы, короткие истории, эссе

Виталий Бурик

© Виталий Бурик, 2024

ISBN 978-5-4485-3414-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РАССКАЗЫ

Фигурка моржовой кости

Он зашёл ко мне за полночь, по обыкновению пьян. Говорил как всегда о каких-то там чакрах-мантрах-буддах. На кожаном шнурке у него на шее талисманчик. Друг подарил. Сам вырезал из кости моржовой. Вообще, мастер был, художник. Почему был?

Гроза была тогда, арматурины все сырые, а у него ступни не было, ампутировали ступню. Сырые арматурины, вышка высокая, телевизионная вышка скользкая вся в тумане. Не удержался. Зачем лез? Кто теперь скажет...

Он почесал подбородок, попросил чаю. Отдувался, отфыркивался, как вышвырнутая штормом на берег нерпа. Сколько ему лет? Сколько лет мы с ним знакомы – год, пять? Всё те же песни ты поёшь, меняешь концепции, как перчатки, а всё едино... Всё сводится к тому: я знаю что-то!, что-то чего ни ты, ни кто другой не знает. чего даже смерть не знает, поэтому я её обхитрю. Нужно только правильно всё сделать. Тибетскую книгу мертвых читал? То-то. Вот как там – надо, чтоб всё правильно...

Роется во внутренностях куртки, и неожиданно, как самый младший из Кио, откуда-то вывинчивает бутылку вод-

ки. Стаканчик—стаканчик-стаканчик! бульк – вот и всё правильно... Ну вот, теперь пузыри начнёт пускать, блаженная дитятя, раскраснеется весь, если гитара под рукой – так струны дёргает, спеть что-то желает, а вместо слов – пузыри. Слова, видимо, очень заповедные, сакральные...

Гитара под рукой, льётся блюз. Да нет, уже не льётся, низвергается, летит, дребезжа, раскачивая пространство вокруг. На него смотреть страшно – арлекин в судный день. Как обычно, рвётся первая струна. Сегодня он не настолько пьян, чтобы уместить свою музыку в пять струн.

И опять – рассказ о мастере, в который раз уже, словно фигурка моржовой кости жжёт сквозь рубаху, и невозможно отвлечься от неё... Туман был... скользко было... И отброшена гитара, и снова льётся водка в стакан, и, будто бы он скачет-скачет на коне, и вдруг – с коня свалился... Тааак, приехали – говорю, – домой, Саша, домой пора. Благо, недалеко, за стенкой живёт. Набычась, выпятив губу, голова – вперёд, хитрым зигзагом удачно вписывается в дверь, без прощаний, всё и всем заранее простив, вылетает, словно в вакуумную воронку...

Ворочаюсь в кровати, сон всё не приходит. Тибетская... книга... если увидишь мутно-зелёный цвет – беги его, стремись к изумрудному, и так избежнешь перерождения в сансаре... Причудливо переливаются лунные отсветы на стене, или это уже я полетел в астрал надвигающегося сновидения... среди бликов, от мутного – к ясному свету... Туман

был... скользко... Что он видел, когда летел?...

И снилось мне, что не какой-то мастер взбирается по скользкой лестнице телебашни, а сосед Санька, в одежды тибетского монаха облачённый, а амулет его – золотом сияет, улыбается с него золотой Будда, и как бы, подмигивает... Тут – нога у Саньки соскальзывает, а он – нет бы за поручни крепче держаться – руки к амулету тянет... И летит навзничь вниз... Только вот, пока летит – земля всё удаляется от него, чем быстрее он падает, тем быстрее от него поверхность земная удирает. Он глаза открывает, озирается, и вдруг – улыбка, не хуже, чем у Будды – ну, что я говорил? Убежал от неё, костлявой! А Земля внизу – уже совсем маленький шарик, и летит наш Саша, раскинув руки, среди полного звёзд и планет космоса...

Дней пять спустя, под вечер – стук в дверь. Открываю – Саша. Пьян не до конца, на ногах прочно стоит, а глаза – таинственным светом сияют. « – Пойдём, с интересным народом познакомлю, пока ещё не все разошлись!». Сосед ведёт меня в свой «холостяцкий угол». В маленькой комнате – человек пять, буддисты «линии Ден-Дорона», неканонического течения. От всех разит водкой, но, кроме того, в комнате – стойкий дух жжёных алтайских трав. Так, думаю, что-то вроде духовного собрания было. «Много гостей, наверное, тут было» – говорю. Самый «просветлённый» от алкоголя, видимо, местный гуру, выдаёт остроу: «Много. Гораздо больше, чем ты можешь себе представить...» Ну, это явно, куда

уж нам, сырым и убогим.

А Сашок всё рассказывает о том, какие это «продвину-тые» люди, а гуру – так вообще воплощённый в России тибетский далай-лама. И, как-то, между прочим, говорит, что на следующей неделе собирается с ребятами в Бурятию, по святым буддистским местам и дацанам (монастырям их, значит). «Ребята хотят остаться в Агинском дацане, а я посмотрю-послушаю, и через месяцок – домой...» «Будешь возвращаться, – говорю – ты мне травок этих ароматных привези, к благовониям я не равнодушен». «Лады, привезу. А что, может, и ты с нами махнёшь? Бери отпуск – и на месяц хоть от суеты этой оторвёшься!» «Нет, – говорю, – я ещё не такой просветлённый. Вот, может, через годик и дозрею, тогда поговорим...». На том и разошлись. Я пошёл к себе, а друзья-буддисты, видимо, ещё сутки зависали у Саши (уходя, я заметил на столе несколько непечатых бутылок – праздник продолжается).

Через месяц получаю телеграмму: «Лечу таким-то рейсом из Улан-Удэ. Везу твои травы. Встречай. Саша» Значит, завтра – в аэропорт. Самолёт прибывает рано утром, нужно хорошенько выспаться.

Этой ночью мне вновь приснилась Сашкина фигурка из моржовой кости, она летела грозовой ночью откуда-то сверху, вдоль телевизионной вышки, неотвратно приближаясь к земле, кувыряясь в воздухе, видоизменяясь... Вот у неё появились крылья, а ещё в следующее мгновение она

непомерно разрастаясь, вдруг стала превращаться... в Сашу. Но у него крыльев не было. Со страшным громом и треском он рухнул на скользкую от дождя глинистую землю.

В этот миг я проснулся – за окном бушевала гроза, расцветчивая всполохами чёрное предутреннее небо. «Приснит-ся же всякая чушь...» – подумал я, и, перевернувшись на другой бок, под раскаты грома и журчание дождевых струй за окном, заснул ещё крепче, уже без сновидений.

Пробуждение было авралом – будильника не услышал, рейс должен был вот-вот сесть, а до аэропорта – минут сорок на такси. Косой ливень не прекращался, пока ловил мотор – изрядно промок, однако планов менять не стал – еду в аэропорт.

Непонятная, тревожная, нездоровая суета сразу же нака-тилась колесом КАМАЗа, как только вошёл в зал аэровокза-ла. Что-то необычайно неприятное будто бы жужжало в на-электризованном воздухе. Мимо взволнованных, не по-буд-ничному озабоченных людей ринулся я к диспетчерской. «Рейс Улан-Удэ – Владивосток уже сел?» «А... вы ещё не знаете? Аварию потерпел... На подлёте, за городом... Со-болезную...» и ещё что-то говорили, да я уже не слушал... В словно ватой забитых ушах – равномерное жужжание злой озабоченной пчелы, перед глазами – падающая фигурка мор-жовой кости из сна, только вот без крыльев...

Через неделю в списках погибших нашёл его имя... А ещё через неделю... стук в дверь – встречаю его, живого Сашку,

на пороге... Трезв, как стёклышко, в руках – пакет трав ароматных. От удивления чуть не выронил сигарету. «Вот так, брат, бывает... Я тогда на рейс опоздал, на оставшиеся деньги поехал поездом. Верись, не было даже копеек телеграмму дать...» Значит, перехитрил-таки, убежал от судьбы.

Вот, казалось бы, и вся история, после которой, Сашок не только пить бросил – забросил блюз, ни о каких буддистах-просветлениях и не заикался. Как, впрочем, никогда не вспоминал своего друга-художника и фигурку из моржовой кости. Через пару месяцев он переехал куда-то, в другой город, и наше общение на этом как-то заглохло.

Вспомнил я о нем через год, при очень странных обстоятельствах. Отправились с компанией за город, «на шашлыки». Найдя подходящее для костра место, разбрелись в поисках дров. Идущий со мной Витёк, наш водитель, пророчил: «Здесь недалеко, метрах в пятиста – воронка – самолёт в прошлом году упал. Городские службы уже поработали, но можно ещё кой-какие „артефакты“ найти. Не хочешь прогуляться?» Я ощутил некоторую неловкость, но, вспомнив Сашку, согласился пройтись до места.

Воронка была в основном очищена, крупных обломков не было, и если бы не слова Витька, я вряд ли бы понял, что эта хаотично вспаханная земля – место трагедии. Я брёл медленно, упираясь взглядом в рыжую глинистую почву. Вдруг небольшой светлый предмет привлёк моё внимание. Я поднял его, да так и остался стоять, медленно проворачивая его

в руках, не замечая убегающих минут, не слыша окликов ушедшего далеко вперёд Витька... Так-так, вот и Сашкина роспись иголкой... И последние сомнения покинули меня – их место заняла непонятная, нелепая, необъятная, с кучей версий и предположений – тайна.

Да, это была она. Маленькая фигурка из моржовой кости.

1998

® Альманах «Биробиджан», №2, 2005

Третья пуговка сверху

В художке я учился с ленцой. Как ребенок из приличной семьи, был отдан в художественную школу родителями помимо особого желания, а так – родители, якобы, увидели способность мою к рисованию, и настояли на том, чтобы отпрыск развивал талант.

Отпрыск же был чужд дисциплины, обязательность чего-либо подрезала под корень имевшееся желание к предмету. Но... шаг был сделан, приходилось посещать занятия.

В художке было интересно, тут уж не стоит лукавить. Только вот в своё будущее, как художника, не верилось. И потом, заглянув в бездну, в миры, которые открывались за полотнами, и в судьбах мастеров прошлого ли, настоящего, ощутил я беспредельность этой вселенной. Вместе с этим пришел страх – да разве я смогу когда-нибудь так? А малолетняя гордость говорила – уж лучше совсем не браться за кисть, чем быть средненьким, сереньким, и зарабатывать на хлеб насущный малеванием вывесок и витрин.

Занятия шли размеренно, своим чередом: живопись, композиция, рисунок, скульптура, история искусств... Ребята подобрались в группе разные, но в общем-то всё народ хороший, компанейский. Вот так и жили. Шли занятия, были выезды на пленэр, была наша весёлая группа.

И была Майка. Да, это было нечто! В своей юной жиз-

ни я сделал тогда первое подобного рода открытие – открытие Талантливого Человека. На фоне заученных школярских работ её картины, наброски, брали сто очков сверх. Было в них что-то характерное и... нездешнее. И в ней самой – безудержное что-то, всегда через край.

– Майка, а почему у тебя на рисунке небо такое, ведь так не бывает?

– Я так вижу. Ну, красиво ведь, красиво?

– Да, красиво.

Всё, что происходило в школе помимо занятий – все игры, затеи, придумка на праздники, дни рождения, – всё её.

Мы подружились с Майкой. Вот ведь как здорово, когда тебя понимают с полуслова – думал я, привыкший к книжному заточению дома, отчужденности одноклассников и бесхитростным недалеким дворовым компаниям. Это не была любовь. Просто мы с Майкой были фантазёры.

– А как думаешь, инопланетяне за нашей Землёй следят?

– Следят, конечно, приглядывают, может, только на них всё и держится, иначе наш мир рухнул бы.

– А я в бинокль на Луну люблю смотреть, только вот он маленький, театральный, не все моря видно.

– А я в военный бинокль смотрела. Ух, красотища!

Под конец учебы в художке мы были друзья не-разлей-вода. Если бы не одна ужасная заноза в моем сердце – была бы любовь. Но злые шутки играет с людьми судьба. Я был заносчивый привереда. Человек, чья душа сверкала для меня, как

ограниченный алмаз, не был для меня идеалом женской красоты. Я был юн и глуп, я глазел на длинноногих вульгарных красавиц. А Майка? Майка – друг, «свой парень», как там в песенке – «ты была заводилой у нас, чорт морской в полинялой тельняшке».

А время всё шло, шло...

Окончена школа. Кто куда. Я уехал из нашего захолустья в большой город, поступил на физический факультет и решил больше никогда, никогда не пробовать сладкого яда под названием Искусство. Физики и лирики по разные стороны баррикад.

Проверки временем решение не выдержало. Какой-то червь точил изнутри и курсе на четвертом прогрыз-таки...

Я забросил учёбу. Я осознал тщету технического прогресса и тоталитарность человеческого стада. Почувствовал беспомощность человека перед этой машиной. Научился пить и вести околосветские разговоры, говорить о модных романах и держать нос по ветру новых веяний в поп-музыке. Осознал себя Поэтом и изо дня в день мучил печатную машинку, гитару и уши окружающих. Отрастил длинные волосы, посещал маргинальные тусовки и не стирал носков. Учёбу я все-таки закончил, восстановившись – победил здравый смысл.

Однажды, во время каникул я приехал в родной городок. Такой уж он мне показался маленький, неухоженный, обшарпанный какой-то. В задумчивости бродил я по знакомым с детства улицам, узнавая и не узнавая всё одновременно.

Лето, жара, пыль, мухи... Квас на углу... И вдруг!...

– Майка! Да неужели? Я-то думал, ты давно уже уехала отсюда! Где ты? Как? Что делаешь? Вот так встреча!

– Да я здесь же. Всё по старому. Работаю, оформляю витрины. Да ты в гости

заходи! Как здорово, что я тебя встретила! Обязательно заходи! —

чиркает на клочке бумаги адрес.

– Зайду, конечно же зайду!

Как по сердцу резануло – сквозь все новомодные романы, стихи и песни,

пижонский эпатаж и хиплянско-андеграундный прикид, сквозь всю образованность и полезные навыки общения... Хоть плачь...

И вот, уже на следующий день, я перед её дверью. Дверь неказистая, причем обшивка основательно изрезана ножом, кое—где видны черные проплешины горелой ткани и дерева.

Звоню. Открывает дверь. Глаза сияют.

– Пришел! А я боялась, вдруг дом перепутаешь, или еще чтонибудь... Ты проходи на кухню, вот чаёк с вареньем, сейчас музыку поставлю интересную...

Знакомит со своим сводным братом.

– Да мы знакомы. В детстве как-то вместе в пионерском лагере были.

Осматриваюсь. Бесприютность незамысловатого быта.

Аскетизм небогатой российской семьи. Книги хорошие. Тюбики и баночки с красками кругом. Мольберт.

Брат ставит кассету с записью какой-то неизвестной группы. Из магнитофона, с сильными шумами, раздаются звуки песни на русском языке. Что-то похожее на хард-рок, с наивным текстом, и музыкой, прямой, как звонок будильника. Брат утверждает, что это самая новая, самая запрещенная, самая перспективная и вдохновенная рок-группа. Что ж, может быть, и так.

За чаем ткется разговор. Обо всем. Перепрыгивая с темы на тему, будто бы не

успеем наговориться. Майка показывает свои рисунки, стихи. Она, оказывается, давно и хорошо пишет. В разных газетах печаталась и в каком-то журнале. А разговоры всё больше «за жизнь».

– Что с дверью?

– Да так, ломились разные... хулиганы.

– Да зачем? У вас и взять-то нечего

– Ну, мало ли негодяев бывает...

Затем Майка читает стихи.

Сердце всё теснит, теснит, это тебе не заоблачные дали, это всё здесь, рядом. Эх, Майка, Майка! Да что же это, как же это? Я где-то далеко, за тридевять земель, даже сейчас – за тридевять земель. Вот послушаю, посмотрю на тебя, сам что-нибудь скажу и уйду. И пойду своей дорогой дальше. Это не Любовь, говорю я себе, это не Любовь...

В то лето мы виделись ещё несколько раз. Ходили в парк. Катались на каруселях и детских автогонках. Ходили вчетвером – я, Майка, брат Майки и его девушка Ира.

Потом я бежал. Последней каплей были несколько слов, случайно-непрощенно сказанных Ирой. Мы шли вдоль берега реки и подбирали красивые камешки. Ирина и Майкин брат оживленно болтали о чем-то. Мы с Майкой шли молча, держась за руки, то глядя на неторопливые воды реки, то высматривая красивые камни под ногами, то просто переглядываясь.

– Эй, вы что это сегодня такие неразговорчивые? – спросил Майкин брат.

Ирина ответила за нас:

– Когда люди влюблены, слов не нужно, правда?...

Это не любовь, говорил я себе, это не любовь.

После этого стеклянным осколком врезавшегося в память дня Майку я больше не видел. А время шло себе, шло...

Был рок-фестиваль. Я сидел в зале и слушал. Пел Алексей со своей командой. Программу отыгрывали новую. Интересно, тем более, что с Алексеем я был лично знаком. Одна песня особенно зацепила. Шла она в конце программы, помню, были там такие слова:

«Третья пуговка сверху – тугая, хоть смейся, хоть плачь...»

Когда песня закончилась, Алексей объявил, что написана она была, как посвящение девушке-поэтессе из моего родного Завирайска. (Во время тамошнего рок-фестиваля группа жила несколько дней у нее на квартире).

Будто токомшибануло. После концерта я уже был за кулисами и разговаривал с Алексеем.

– Да, её звали Майкой. Да, талантливая, и человек какой! Мая Потапова. А ты как догадался?

– Так ведь настоящий поэт там только один был... Где она сейчас, что с ней?

– В Америку уехала не так давно.

– Адрес есть?

– К сожалению, нет.

Нет, это не любовь, говорил я себе, это не любовь.

– Слушай, Лёш, я понимаю, выступление, устал и всё такое, но для меня, один, под гитару спой, пожалуйста, а?

«Третья пуговка сверху тугая – хоть смейся, хоть плачь...»

1998

® Альманах «Биробиджан», №2, 2005

Сестра (отрывок из повести «Про Ольгу»)

В разговорах наших она появилась задолго до того, как мы увидели эти её огромные глаза.

В наших разговорах... Играл... Кто же тогда играл? Губайдуллина? Хиндемит? Гарбарик? Может, старина Дюк Эллингтон со своим оркестром? О, тогда из стереофонического проигрывателя звучал Иржи Брубек! Хот и немного би-бо-па, уже несколько усмирённого, причёсанного многолетней эстрадной традицией. В высоких бокалах было пиво. Тараненко тогда пила исключительно пиво и глинтвейн. Вкусы Тараненко не обсуждались, праздник её души – наш праздник. Эльза, притушив верхний свет, зажгла торшер. Я, сидя по-турецки на полу, наблюдал сцену появления Васина. Эльза, вот и твои любимые грейпфруты у него в пакетике. Да и сам он – экий экзотический фрукт в нашем выюжном феврале. Штанишки в клеточку а-ля племянник дядюшки Сэма, квадратные роговые очёчки, челюсть – от Шварцнегера в миниатюре... По стандартам 1989 года – парень явно не отсюда.

И что тогда сказала Мага?

Ничего. Просто вышла в ночь и пошла к мосту.

Но в ночь она, по-моему, уходила уже до этого...

Здесь у Картасара явный рефрен сюжета. Как подметил

ещё раньше этого места вечно наблюдающий со стороны старик Морелли, сюжет, выстроенный в одну линию – пища лишь для читателя-самки... Кстати, о пище. Тут у меня в сумке двуногое без перьев...

Совсем без перьев? – Эльза улыбалась всепонимающе и как-бы слегка капризно.

Ну, просмолить над газом следовало бы, магазинные синие птицы к цирюльнику не ходят, – Фёдор смотрел несколько смущённо, словно сам час назад убил и не очень тщательно ощипал бедную курицу.

Уф, опять мне терзать её бледную плоть, – Эльза взяла курицу, для эксцентрической убедительности пройдясь её оцепеневшими лапами по столу, – кар-кар, птичка, – и они ушли на кухню – включать газ.

Рассуждения о многоплановости прозы Картасара, ненавязчивый звуковой пинг-понг Брубeka, а особенно – запах смолистых капель жира слегка плавящейся птицы, настроивали на очень уютную волну лени и некоторого снобистского самодовольства. В смысле довольства своей эрудицией и прозорливостью, довольства ситуацией (уютный дом, где нам всем так хорошо, а за окном – немилосердная приморская февральская ночь), довольства компанией, и даже – будущим, в той зыбкой перспективе, которая бликовала для нас тогда. Ах, полёт этих молодых, самовлюблённых крыл, худо-бедно научившихся рефлексировать собственное бытие выпускников ВУЗа, ах, соблазнительная конфетка элит-

ной жизни в руке ловкого фокусника-фатума, манит-манит – на-ко-ся, выкуси!.. Насчёт «выкусить» – это после, а тогда – вкушали, зачастую – безоглядно, всеядно. И всё-то мы знаем, и всё-то мы сможем...

Тараненко недавно из Питера. Нейрофизиолог, мечтающий о литературном поприще. А кроме этого – дама, не лишённая чисто мужского интеллекта, претендующая на особую светскость и богемность, легка в общении иногда до бесцеремонности, прирождённый лидер, в любой компании не терпящий конкурентов. А ещё она – морж, что тоже даёт ей дополнительные баллы среди почитателей. В продолжение разговора глубокомысленно молчит. Но вот, по удалении Эльзы, встаёт с насиженного тёплого кресла.

– Федя, ты знаком с нашими надувными друзьями? – рядом с телевизором две надувных игрушки, оставшиеся от хозяев съёмной квартиры – змея и лев. – Познакомься, вот это – наш глистик. А это – хранитель дома, мужчина мужественный, но печальный. Не правда ли, чем-то смахивает на тебя?

– Польщён, польщён, – Федя чуть ли не краснеет, мне даже кажется, что стёклышки его ненаших очков слегка отпотевают от такого беспардонного сравнения – надувной лев, тигр тряпочный, бумажный волк – что дальше? Федя немножко хочет быть значительнее. Помнится, по истечению своего четвёртого курса он с гордостью присвоил себе кличку ВАК, в смысле – бакалавр, демонстрируя свою ве-

ру в превосходство их образовательной системы, а мимоходом – и некоторую степень смешной наивности. И ещё помним мы, как Федя давал торжественное обещание жене Тане, закреплённое бумагой с подписью, что если через десять лет он превратится в сноба и, прочитав литературные опыты молодых дарований, будет процеживать через губу «забавно, забавно», Танюша ему поставит двадцать щелбанов по лбу.

Это основные персонажи сцены, не считая Брубeka и Картазара, что же до остальных – Эльза – подружка Тараненко, романтична, молчалива, даже несколько внешне экстравагантна, хотя часто довольствуется ролью безмолвной тени, снимают совместно этот угол, непонятно, что ещё держит их вместе. Относительно меня... Втёрся в компанию, прижился, просто так не выгонишь, иногда умею интересно рассуждать на общие для всех темы.

– Ах, Федя, совсем забыла, у нас же новость! В мае приезжает моя двоюродная сестрёнка Ольга, из Москвы – Тараненко протягивает фотографию – посмотри, какие глазища! И вообще – оцени внешность – при этом всё ещё и высокая, стройная – (фотографическое изображение мало, лицо и плечи) – ну чем не модель? У нас все такие породистые, – подчёркивает Тараненко, ретушируя факт своей крупнотелости и почти мужской грации.

Мы с Васиным, глядя на фото, оценивающе-восхищённо цокаем языками.

Где-то учится?

Какое-то ПТУ закончила. Двадцать лет, манит дальневосточная романтика, да и я рядом, если что.

Что – если что?

Ну, в начале жизненного пути, нужен старший товарищ и т. д. и тому подобный вздор. Вообще-то она вполне самостоятельная, цену себе знает, рискованная только.

Так когда её ждёшь?

В мае, я уже говорила...

Предоставим нашему милому обществу оставаться дальше в тёплой уютной хрущёвке среди выюжного февральского вечера, упиваться ненавязчивым трёпом на фоне Брубека, и поспешим в черёмуховый майский вечер. Там, там наша гостя, от предвосхищения лёгкие уже задыхаются в черёмуховом арамате...

Дом на сопке. Обиталище Феди Васина, семейная уютная норка, прорытая на полгода за баснословно умеренную плату.

Привет, что нового?

Как? Ты ещё не слышал? Она уже в городе.

Кто?

Ну как кто? Тараненковская сестра приехала вчера. А сегодня – званый сабантуйчик. Собираемся, пошли прямо сейчас.

А твоя жена идёт?

Нет, – Васин смущённо теребит подбородок, – ну ты же знаешь эту Ленинградскую историю, после неё у Танюши ал-

лергия на Тараненко.

(Ленинградская история – Тараненко и Таня вместе ехали поступать в Ленинградский мед, Таня не поступила, плюс ещё Тараненковское лидерское давление...)

Ну, бог с ними, с этими женскими штучками, собирайся и пошли. Да, вот ещё, нужно не забыть цветы и шампанское. Деньги есть?

Обижаешь. У меня «Амаретто» и «Котнари», шампанское – моветон. А цветы по дороге купим.

И вот мы с цветами и бутылками спускаемся-подымаемся по взгоркам-пригоркам скачем, воодушевлённые, по направлению к хрущёвке Тараненко, «дому с красным окном», как окрестил его Васин за Тараненковские малиновые шторы. Вот оно, окошечко, горит. И там – загадочная Ольга. А вечер сгущался, спускаясь влажной ватой по склонам сопок, и кружило нас пьянящее предощущение встречи, прямо-таки волчья алчность свежей крови, нового человека, и, судя по рассказам, ещё какого!..

Загадочная Ольга оказалась, лучше, гораздо лучше, чем на фотографии. Во-первых, в отличие от фото, у неё присутствовала выигрышная способность говорить. Во-вторых, она была действительно красива, до царственности ей не хватало небольшого довеска манер, и, возможно, нескольких лет. Но эти её огромные, серо-голубые, с поволокой, глазища! Речь достаточно быстрая, но с растянутым гуттаперчевым о-о, говорит слегка смущенно, но в то же время напористо-во-

одушевлённо, всё и всех старается рассмотреть, прямо-таки выпить этими своими глазищами. И улыбка, широко-белозубая, своей непосредственностью побеждающая голливудскую. Вопросы, вопросы, вопросы. Всё ново, всё обжигает мерцающими огнями перспективы праздника молодой, полной сил и устремлений во всяко-разные заманчивые начинания жизни. Рассказы о Москве по большей части достаточно скупые. Девушка из спально-рабочего района Зеленограда. Высшие учебные заведения, театры, концерты – далеко, в основном – бытовая обыденность. А тут – новый город, новые и весьма приятные люди, одним словом – новый мир.

А обитатели этого мира – ушки на макушке, глазки – открытые дверцы, а уж изошрённые языки, изголодавшиеся по свободным, да ещё и новым ушам – с каким упоением они вибрируют по настроенным в унисон струнам вечернего разговора!

Мало-помалу спиртное, музыка, приятный тон общения, делают своё дело – мы уже вполне друзья. Снимаемся с «квартиры с красными шторами» и летим во влажный, пропитанный ароматами цветущей черёмухи и приборя вечер – в охоту за новыми впечатлениями. Ольга, конечно же, с нами. Я вскользь отмечаю, как у Феди маслянеют под роговыми очками не совсем трезвые глазки, как он становится всё более и более велеречив.

Я почти влюблён. Влюблён ли я? Нет, вряд ли. Это всего лишь тень чувства, всего лишь морской, с привкусом ран-

ней черёмухи, туман чувства, всего лишь лёгкий и свежий ветер свежего чувства, который так часто гонит, подгоняет моё существо к свежему объекту обожания, созданному в равных долях из первого впечатления, фантазии и желания, а также из просчитанной, сдобренной самомнением любого мужчины вероятности, что у него есть шанс на нечто большее. И было заметно, что из мужской части нашей компании этот ветер подгонял не только меня. Вон как прыгает по взгоркам, как красноречиво плетёт узоры завлекательных историй Васин. Ну, тебе-то куда? Сердцу, или чему там ещё, тем более – чужому, не прикажешь...

Потом – такси, потом – ещё какие-то гости, и ещё... Вечер, плавно переходящий в ночь, длился, бежал, летел горнолыжником, иногда – балансировал канатоходцем по нити, сотканной из встречи Ольги, отчаянно-подарочных разговоров, океанско-черёмухового, с парами вина и эндорфинами молодой крови, ветра в голове.

Встреча удалась вполне. Новый человек был не просто завлечён в наш рафинированный мирок, он был заинтригован, расположен к нам, ну а с нашей стороны – безусловно обожаем. При встрече с Васиным несколько дней спустя делились впечатлениями. Фёдор говорил что-то там о том, что, мол, эффектная у Тараненко сестрёнка, легка на подъём, неглупа, мила, ну и подобное в том же духе. Да мало ли, что он там ещё говорил – явно видно было одно – он покорён, а это значило, что Оля на достаточно долгое время заняла фокус

внимания его, а автоматически – и всей нашей компании.

А я уже думал о новой встрече. Вот ведь какая странная штука – женское обаяние. Гиря внешних данных часто перетягивает всё остальное. Окажись она дурнушкой – вряд ли кто-либо сказал, что она неглупа, общительность и рисковость в интеграле характеристик скорее всего ушли бы в минус, любопытство и напористость казались бы назойливыми мухами, от которых хочется побыстрее отмахнуться. А так – всё окей, кроме, разве, того только, что глубже внешних впечатлений мало кому хочется нырять, итак – с лихвой, с головой, живо, весело, интересно – а там, за фасадом – всегда ведь подразумевается какая-нибудь интрига, загадка. Пусть лучше остаётся блестящей многоцветной загадкой, чем чёрно-белой правдой...

2003

Карта Москвы (отрывок из повести «Поэма будней»)

* * *

Метро снова вторглось в моё течение времени. Точнее, снова время моё уносит течение метро, и я ничего не могу с этим поделать. Искаженный голос из динамика, двери закрываются и вагон набирает скорость. Я лишь точка в потоке, точка в пространстве, где густое месиво почти десяти миллионов душ образует затейливые узоры взаимодействия человеческих движений, слов и чувств. В летящем сквозь приглушенный отчаянный свист вагоне метро острее чувствую свою сопричастность этому уплотнению в организме человечества, называемому Москвой.

* * *

Пробьётся ли звонок сквозь бетонные стены подземки? Возьмёт ли она телефон? И что мне сказать? Условились же, что позвоню, когда приеду. Чего сейчас-то трезвонить? Глупо как-то. А что не глупо? Если рассудительно – это уже не чувства. Хотя и чувства препарировать словами – тоже глупо. Так и выходит – кругом дурачок. Снова открываются двери – входят какие-то музыканты со шляпой для монет. Роюсь в карманах, что-то сыпаю в шляпу – из уважения к нелёгким стараниям в душном метро. Что я де-

лаю в этих поездках, скачках-перебежках от одного сюжета к другому, между встречами, пунктиром обозначающими общение, общность с тем ли, с той ли? Я ничего не ищу. Провожу время? «Построю себя»? Попутно – и то и другое. Одним словом – живу. Так вот, в пути, между прочим.

* * *

Жизнь между. Между людьми, разговорами, снами, телефонными звонками, едой наскоро в кофейнях, новой ночью и добрым утром. Здесь, в Москве, даже приятно почувствовать себя никем, просто, к примеру, точкой внимания и смысла в общем потоке, среди плотных силовых линий информации где-то на карте метро.

* * *

Станция Тверская. Мой выход. На выходе эскалатора тревожный дятел клюёт в ребро – надо позвонить. Теперь уже можно.

* * *

Вот Тверская – главная улица столицы... Побольше походив по центру Москвы, задумаешься – а есть ли здесь действительно «главная» улица, градообразующая во всех смыслах? Вот, в иных городах, поменьше, ощущается их цельность и есть однозначно главные улицы, без которых и город-то представить нельзя. К примеру, что было бы с Пе-

тербургом без его невского проспекта? Есть города «двуглавые», чей идейный и архитектурный костяк составляют две главных улицы. В Хабаровске это, конечно же, Амурский бульвар и улица Муравьёва-Амурского. Во Владивостоке тоже две главных улицы – Светланская и Океанский проспект, они перпендикулярны, каждая ось задаёт свой тон, свой ритм, своё направление. А в Москве? Москва – круг, не имеющий по-настоящему главных улиц, без любой, в принципе, её архитектурная целостность может как-то обойтись. Но кругу этому никак нельзя обойтись без центра – без Кремля и Красной Площади.

* * *

Бульварное кольцо. Сколько бульваров оно соединяет – точно не помню. Вроде бы пять. Кольцо неполное, в южной его части есть перемычка из узеньких улиц.

* * *

Москву невозможно представить единым городом. Каждый выход из метро и даже некоторые отдельные улицы представляют обособленные места. Словно вышедший из межпространственного портала, идёшь по этим улицам совершенно какую-то новую для тебя Москву, стёклышками калейдоскопа поворачиваются своими фасадами и эрзацами постройки различных эпох и архитектурных стилей.

Легенды и мифы Патриарших прудов (отрывок из повести «Поэма будней»)

* * *

Пушкинская площадь занимает свою символическую и физическую высоту. В самом деле – в какую бы сторону ни пошёл от Пушкинской площади – к станции метро Маяковская, в оба конца Тверского бульвара, к Патриаршим прудам или даже к Кремлю – всегда это будет спуск вниз. Иногда очень пологий, совершенно незаметный, но спуск. Символическая вершина наших российских смыслов, что ли.. У памятника Пушкину традиционно ждут с цветами. И я жду. Со скромным букетиком розовых роз. Не знаю, почему, купил именно розовые. Видимо, среди всех показались свежее, какие-то сами в себе, не нарочитые, словно розы такого именно цвета не выведены специально, а случайно родились себе между прочим, и садовник – так и быть – срезал их. Ещё одна вешка, ещё одно доказательство пунктирной жизни, жизни между всем прочим. И хорошо – так честнее.

* * *

Ходил ли трамвай на углу у Патриарших во времена Булгакова? Говорят, что не ходил. Ну и ладно. В самом де-

ле, не важно где именно Аннушка разлила масло, главное, что это мифическое место сейчас доподлинно существует на карте Москвы, в головах у сменяющих друг друга статистов, наполняющих своими шагами тишину алей вдоль последнего из оставшихся нам в наследство прудов старой Москвы. Дышу одним воздухом с могучими липами. Вместо Коровьева на скамейке встречаю похмельного Марио – завсегдатя этого места. Марио представляется итальянцем, работающем по контракту на одну из римских газет, хотя, судя по изношенным физиономии и прикиду, он больше напоминает отечественного бомжа. Что ж, мифологическое место располагает к сотворению и утверждению новых мифов, в которые хочется верить. Именно слепое желание верить держит нас на привязи в старой Москве, создаёт её целостность, не даёт рассыпаться между всего прочего осколкам нашего суетного существования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.